

Трудно сказать, что обнаружит более дотошный и неистовый исследователь по данной проблеме в архивах и других первоисточниках, но меньше всего данных, я убеждён, он найдёт по истории Московской Руси. И не только потому, что о том периоде сохранилось не очень много сведений, что средняя продолжительность жизни в ту пору едва равнялась тридцати годам, и, следовательно, о молодёжи в её нынешнем смысле просто не приходится говорить. Хотя это вовсе не значит, что не о чем говорить вообще. Ибо во все века существовала проблема “отцов” и “детей”. Разумеется, это проблема, как минимум, двусторонняя: с одной стороны – люди старшего поколения, родители; с другой – люди молодые, дети в буквальном смысле и “дети” в смысле собирательном, социологическом.

Но и в этом плане история Московской Руси малопоучительна. Дело в том, что “отцы” и “дети” Московской Руси не знали **духовного конфликта**.

На этот момент необходимо обратить особое внимание: конфликт “отцов” и “детей” нельзя ни в коем случае сводить к их различиям во вкусах и взглядах на бытовую жизнь, что во все времена случилось и случается в каждой отдельно взятой семье поныне. И даже если эти различия стали массовыми, коснулись множества семей и можно говорить о них как о некоем социальном явлении, всё равно надо понимать, что они вторичны. Первичным основанием подлинного конфликта “отцов” и “детей” могут быть только существенные различия в представлениях и взглядах достаточно значительной массы представителей старшего и молодого поколений на смысл и цели жизни и развития человека, общества и государства, способы и формы устройства их функционирования и т. п. Одним словом – на базовые духовные и нравственные ценности, которые старшее поколение хотело бы передать в качестве духовной эстафеты следующим за ним молодым поколениям через систему обучения и воспитания, через формы и методы предметно-практической деятельности. Именно в тот момент, когда младшее поколение по каким-либо причинам (речь сейчас не о них) не хочет принимать эту эстафету или стремится решительно отказать от части передаваемого наследия как якобы (или на самом деле) устаревшего, изжившего себя, а старшее поколение не согласно с таким отношением к нажитому им тяжёлым трудом и кровью, и может возникнуть конфликт “отцов” и “детей” со всеми вытекающими для общества тяжёлыми последствиями. Итак, конфликт поколений – явление содержательное, а не формальное. Суть конфликта, в первую очередь, не в том, в каких формах и каким способом передаётся эстафета поколений (хотя будем помнить, что

форма содержательна, а явление — существовадно), а в духовном содержании этой эстафеты.

История государства русского полна внутренними конфликтами и военными противостояниями. Но это были конфликты не поколений, а ссоры внутри властвующих — княжеских и других вельможных — семей и между ними. Это была борьба и война за власть, территории и население, это был спор по поводу **средств и методов** достижения целей и задач развития российского государства, но не **содержания духовной эстафеты**. Содержание духовной эстафеты как совокупности базисных идей (объединение Руси и славян, освобождение православных, расширение национальных границ и поиски выходов к морю, подчинение окраин, усиление царской власти, проповедь идеи о Руси как о Третьем Риме, Православие как духовная основа жизни русской нации и другие) не изменялось от поколения к поколению в течение нескольких столетий. Эти идеи цементировали отношения “отцов” и “детей”, всю русскую нацию, все российские народы, лежали в основе создания русской и российской культур.

Однако последующая история России с начала XVII века и по нынешний день сопровождалась практически не прекращавшейся, то, казалось, затухавшей, то вновь набиравшей в обществе силу борьбой именно духовных начал жизни. Эта борьба выливалась то в начинавшиеся реформы, которые никому из реформаторов не удавалось довести до конца, то в революции (1905 года, 1917 года, 1991 года), из которых ни одна также не была доведена до конца. На протяжении всех этих трёх столетий в роли разносчиков новых социальных идей, зачинателей перемен и создания всевозможных общественно-политических кружков и организаций были молодые люди, в том числе их большие группы, осознавшие свои особые, специфические интересы и цели, призывавшие сверстников к объединению и создававшие для этого свои молодёжные организации.

Пробежимся по нашей истории, по хорошо известным всем событиям и именам, обращая внимание всего на два факта: возраст центральных фигур и роль, которую они исполняли, — поддерживали традицию и прежний образ жизни или выступали против них...

Впервые особая роль молодёжи в российской истории резко проявилась во времена реформ Петра I. Не просто молодым, а юным был сам царь, начавший самостоятельно править государством в 17 лет. В подавляющем большинстве молоды были его соратники — “птенцы гнезда Петрова”. Молодые люди были в первых рядах борцов за новое, поддерживали монарха. Но дело, конечно, не только в возрасте реформаторов. Главное в том, что впервые молодёжь **покушалась на духовные основы** Московской Руси. Поколенно было Православие и Церковь, которая перестала служить единственной и высшей духовной инстанцией. **Европеизация**, составлявшая смысл петровских реформ, знаменовалась проникновением в русскую культуру западной философии, западной науки и литературы, западной политики, западных манер поведения и одежды, западных языков и т. д.

Впервые в истории России по всем линиям жизни общества разразился конфликт поколений. “Отцы” отстаивали духовные ценности Московской Руси, “дети” выступали за европеизацию. В молодёжной среде возникло презрение к национальным формам жизни. Своё, родное, русское стало для молодых смешным, всё иностранное, наоборот, восхищало. На лицах “отцов” исчезли бороды, а вместе с бородами — и уважение “детей” к прошлым деяниям, к русской истории. Началось шатание всего и вся, продолжавшееся затем добрых два столетия.

Тем не менее, очевидным результатом этого шатания как следствия петровских реформ стало возникновение в России нового высшего общественного слоя — **русского дворянства**, составлявшего главную опору Петра. Заслугой этого дворянства явилось создание **русско-европейской культуры**: европейской по форме, русской по содержанию.

Не будем сейчас рассуждать о том, хороши, планомерны и удачны или, наоборот, плохи, спонтанны и неудачны были петровские реформы. Существуют разные точки зрения. Одни историки поют Петру исключительно гимны, другие видят в нём крайнего честолюбца, который ради достижения своих внешнеполитических целей уничтожил множество людей, довёл страну до крайнего разорения и разрухи. Речь о другом.

Со смертью Петра I основные идеи его реформ не умерли. Новые поколения молодёжи XVIII века горячо подерживали складывающийся новый образ жизни. И прежде всего, это относится опять-таки к молодому дворянству, которое распространяло новые западные идеи (республиканство, конституционность и т. п.), религиозный скепсис. Русские европейцы первой половины XVIII века передали духовную эстафету своим детям – русским вольтерьянцам екатерининских времен, а те – масонам эпохи Александра II.

Из масонов вышли **декабристы** – за исключением единиц сплошь молодые дворяне, главным образом, участники Отечественной войны 1812 года. Из 121 человека, осужденных по делу о восстании 14 декабря 1825 года (к следствию было привлечено 579 человек), лишь 12 человек было в возрасте 34 лет, большинство же не достигло тридцати лет. Организации декабристов (“Союз спасения”, “Союз благоденствия”, созданные в 1816–1821 годах) можно считать первыми по возрастному составу молодёжными организациями. И хотя они преследовали совершенно “взрослые” цели, отметим, что идеи свободы и освобождения русского народа от самодержавия возникли в молодых умах и душах, которым свойственны размышления о возвышенных идеалах, служение великим целям.

Отметим также, что движение декабристов возникло в России, главным образом, под влиянием просветительской деятельности и западноевропейских политических идей и в этом смысле было продолжением реформ Петра Великого. Оно объединяло блестяще образованную дворянскую молодёжь, одушевлённую бескорыстными общественными стремлениями.

Возникнув в 20-х годах XIX столетия, это движение носило не столько словесный, сколько **идейный** характер, ибо его задачи выходили далеко за рамки интересов только дворянства. Декабристы стояли за отмену крепостного права, демократическую республику или конституционную монархию с федеративным устройством.

На декабристах заканчивается период ученичества русско-европейского общественного сознания. Произошёл духовный разрыв между “отцами”, которые были по преимуществу консервативны, в лучшем случае числили себя либералами, и “детьми” – нигилистами, атеистами, демократами, прогрессистами, народниками, социалистами и марксистами. С каждым поколением разрыв между “отцами” и “детьми” увеличивался. Молодёжь не понимала “стариков” и не хотела их понимать, становилась наследственно революционной.

После разгрома декабристов роль высшего дворянского слоя как основного носителя западноевропейской культуры, реформистских и революционных идей в России надо считать исчерпанной. Общественное движение в сторону перемен стало всё более демократизироваться по своему составу, обретать всё более широкую социальную базу, проникать во всё более широкие слои населения.

Просвещение и образование перестало быть привилегией только высшего класса и дворянства, оно уже коснулось народа. Следствием этого стало постепенное возникновение ещё одного нового общественного слоя – **разночинной интеллигенции**, состоявшей из наиболее способных представителей низов. Естественно, что это была **исключительно молодёжь**, гордившаяся своей образованностью, но обозлённая на высший свет и дворянство уже потому, что не имела доступа в эту среду, а главное – потому, что не получила достаточных гражданских прав и была отрезана от власти. Тем самым интеллигенция обрекалась на **революционность**. Ей не оставалось ничего, как ненавидеть власть имущих, стремиться к свержению самодержавного строя.

Нарождающийся капитализм требовал всё больше образованных людей, и это делало интеллигенцию быстро **расширяющимся** слоем – расширяющимся опять-таки **исключительно** за счёт молодёжи, и прежде всего студенчества. Уже не столько дворянская, а интеллигентская молодёжь выдвигалась в первые ряды революционного движения. Слова “студент” и “революционер” становились синонимами.

При этом интеллигенция стремилась передать свои революционные идеи “простому” народу – рабочим, крестьянам, увлечь за собой молодёжь высшего класса. Одним словом, именно интеллигенция (читай: молодёжь) **формировала** революционное движение.

Научный социализм Маркса ещё не упал на российскую почву. В ходу были, главным образом, идеи Р. Оуэна, Ш. Фурье, В. Годвина, Э.-Г. Морелли,

Т. Дезами, Сен-Симона, П.-Ж. Прудона, Луи Блана и других социалистов-утопистов. Городская интеллигентская молодёжь и, прежде всего, студенты становились приверженцами радикальных учений, стремились просветить народ. Создавались добровольные воскресные школы, в которых молодые учителя, студенты и старшие гимназисты учили своих сверстников и взрослых, организовывались кассы взаимопомощи, устраивались библиотеки, распространялись цензурные книжки по пониженным ценам.

Первым просветителем и возбудителем молодых и всего общества в те годы и долгое время была русская **литература**, которая показывала русскую жизнь и русских людей XIX и начала XX века с таким великолепием, как это не смогли сделать до этого ни история, ни философия. Русская литература тех лет была продуктом молодых писателей и поэтов, которые рассказывали, главным образом, о молодёжи, поскольку именно молодёжь в те годы была ведущим слоем русской жизни. Ни в одной другой литературе не встретишь так много молодых героев. Читая произведение XIX века, можно подумать, что всё общество в ту пору состояло сплошь из молодёжи, что людей иного возраста, иных героев просто не было.

Это вовсе не случайно. Молодёжь находилась в смятении, в состоянии раздвоенности, крайней неудовлетворённости, разочарования, сознания неутратимости надвигающейся катастрофы. Умы и души молодых жаждали перемен, были устремлены в будущее. Общество было в разломе, его “анатомия” была обнажена и не могла не вызывать интереса у сильных и любопытствующих умов. Литература отражала то, что происходило с молодёжью, истолковывала и объясняла то, чем и как она жила. Пророчествовала. Литература была историей и философией общественной жизни.

В тридцать семь лет ушёл из жизни Пушкин – близкий к декабристам, дважды подвергавшийся ссылке, – оставив созданный им в совсем молодом возрасте образ Евгения Онегина, который выражал не только внутренний кризис русского общества, но был также носителем модных западноевропейских теорий и настроений. В двадцать семь лет погиб Лермонтов, творчество которого питали разочарование в действительности и тоска по свободной личности, в которой доминировали мотивы разлитого в обществе нигилизма и неудовлетворённости. Он оставил образ “героя” своего времени, загадочный и печальный образ Печорина. С не меньшим правом, чем Онегин и Печорин, героем “того” времени был Чацкий двадцатидевятилетнего Грибоедова, который находился под следствием по делу декабристов. Самые глубины социального нутра России раскрыты в сатирических романах и бытовой комедии Гоголя, романах Гончарова и Тургенева, среди которых “Обрыв”, “Отцы и дети” написаны прямо о молодёжи.

А были ещё Чаадаев, Толстой, Чехов, Лесков, Некрасов, Мережковский, Бунин. Был Достоевский – пророк будущего России до наших дней, участник кружка М. В. Петрашевского, приговорённый к смертной казни за революционные убеждения и впоследствии от них отказавшийся, поскольку он увидел “бесов” и “бесовщину”...

А были еще писатели-публицисты, которые вслед за некрасовским вопросом “Кому на Руси жить хорошо?” поставили логически последовательные вопросы “Кто виноват?” (А. И. Герцен) и “Что делать?” (Н. Г. Чернышевский).

Отец “русского социализма” Герцен, организовавший в Лондоне первую свободную русскую типографию вместе со своим другом Н. Огарёвым, создавший газету “Колокол” и журнал “Полярная звезда” и пропагандировавший в них освободительные от абсолютной монархии идеи, имел такое огромное влияние на общественное мнение, такое воздействие на умы молодёжи, которого в то время не имел ни один писатель. Не зря Герцена называли “русским Вольтером”.

Никто иной, а именно Огарёв написал и в № 102 герценовского “Колокола” 1 июля 1861 года опубликовал статью “Что нужно народу?”, которая рассматривалась как программа будущего тайного общества. И такое общество “Земля и воля” позднее было создано. Эта программа служила основой организации общественных сил в народе, среди интеллигенции и в армии, основой подготовки восстания.

Решающее влияние на развитие революционного сознания российской молодёжи своими произведениями оказали Н. Добролюбов, умерший от чахотки в 1861 году в возрасте 24-х лет, и Н. Чернышевский.

Влияние Чернышевского, который стал известен с двадцатипятилетнего возраста, на умы молодёжи было громадно и оставалось таковым в течение всех 60-х и 70-х годов. В лице Чернышевского российское революционное движение имело острого критика буржуазной политэкономии и пропагандиста социалистических идей. Именно Чернышевский выдвинул на первое место среди всех социальных проблем вопрос о крестьянском землевладении, и это послужило исходной точкой для всех революционных программ начала 60-х годов, в том числе и земельной реформы. Именно в своей знаменитой книге “Что делать?” Чернышевский дал революционной молодёжи программу нравственных принципов и борьбы за преобразование общества, познакомил её с запрещёнными в то время западноевропейскими идеалами, атеизмом и достижениями естественных наук. Молодёжь зачитывалась произведениями Чернышевского и считала его своим учителем.

Для того чтобы судить о влиянии Чернышевского на умонастроения учащейся молодёжи, необходимо сопоставить его отношение к характеру ближайших событий с отношением к ним Герцена. В то время, когда Герцен продолжал успокаивать сознание молодёжи либеральными теориями мирного разрешения всех противоречий жизни и “во имя прогресса” призывал молодёжь “идти в народ”, Чернышевский призывал её на путь революционной борьбы. “Не увлекайтесь, — писал он Герцену в Лондон, — толками о вашем прогрессе, — мы всё ещё стоим на одном месте; во время великого революционного вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания безыменную **гласность**; но чуть дело коснётся дела — тут и прихлопнут... Нет, не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы... Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет. Вы сделали всё, что могли, чтобы содействовать мирному разрешению дела, перемените же тон, и пусть ваш “Колокол” благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь! Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царя. Не вам её поддерживать”.

Такая резкая отповедь со стороны Чернышевского вызвана была наметившимся к этому времени разграничением политической мысли в среде самой разночинной интеллигенции. Пёстрая по своему классовому составу, она была неоднородной в выборе методов борьбы. Если одна часть интеллигенции — преимущественно выходцы из дворянского сословия — своё служение “народному благу” рассматривала, как стремление прийти на помощь трудовому люду запасом своих собственных знаний, огромными массами устремлялась во вновь открываемые воскресные школы, где и “обучала народ”, то другая часть — преимущественно представители неимущих классов, — наоборот, видела выход из создавшегося экономического и политического тупика не в мирных началах, а в методах организации революционных сил для предстоящей политической борьбы с властями. Это тактическое расхождение в среде разночинной интеллигенции лучше всего выразил сам Герцен. Отвечая Чернышевскому на его письмо, Герцен писал: “Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах, не в началах, а в образе действий. Вы представляете крайнее выражение нашего направления; наша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу. Но к топору, к этому *ultima ratio* (последнему доводу) притеснённых мы звать не будем, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора”.

Таким образом, вопрос о “топоре” сводился, главным образом, к вопросу о методах революционной борьбы, к тому, должна ли Россия пойти по пути революционной борьбы со всеми вытекающими отсюда последствиями кровавого восстания, или она без всяких кровавых потрясений, путём длительной эволюции общественных форм сама собою выйдет, наконец, к социалистическому укладу жизни.

Рассуждая о роли молодёжи в политических процессах тех лет, не забудем умершего в двадцать восемь лет Писарева с его проповедью идеи гражданского долга и общественной солидарности, с его наивной и напрасной верой в то, что мир можно пересоздать путём личного умственного развития и популяризации научного знания...

В развитии российского революционного движения в конце 30-х, в 40-е и 50-е годы, когда в России ещё не было партий и иных политических организаций, важную роль сыграли различные **кружки**. Поскольку деспотическая атмосфера общества времён Николая I не позволяла возникнуть сколь-нибудь

значительному общественному мнению, а тем более политическим организацией, то разного рода освободительные идеи обсуждались в узком кругу хорошо знавших друг друга людей. Не имея возможности действовать, молодёжь, составлявшая подавляющее большинство членов кружков, занималась самообразованием и саморазвитием, а своё недовольство существующими порядками изводила на резонёрство. Кружки, в которых молодые единомышленники обсуждали социальные и политические проблемы, существовали в Петербурге, Тамбове, Ростове-на-Дону, Костроме, некоторых городах Сибири.

Среди всех таких кружков стоит особо отметить **кружок Станкевича**, который действовал в Москве в конце 30-х годов. Горячий поклонник Гегеля и его идей, которые начали проникать в Россию, Станкевич собрал под свою крышу блестящую группу молодых гениев, ставших вскоре знаменитыми глашатаями революционной мысли: Бакунина, Герцена, Огарёва, Белинского, Грановского.

Громкую славу вскоре после его раскрытия получил тайный **кружок** двадцативосьмилетнего чиновника Российского министерства иностранных дел **Петрашевского**, который состоял из чиновников, офицеров (среди которых был и молодой Достоевский) и литераторов. 23 из арестованных членов кружка были приговорены к смерти, но потом помилованы с заменой смертной казни каторжными работами и солдатчиной. Не случайно. Следственная комиссия по делу петрашевцев увидела в работе этого кружка огромную опасность, назвав его работу “заговором идей”. Для этого были все основания. Целью кружка петрашевцев, у которого в Петербурге было более 230 единомышленников, являлось уже не самообразование, а распространение идей Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона. Еженедельные собрания, проходившие не только у Петрашевского, но и на квартирах многих других членов кружка, пользовались большой известностью. Кружок был наиболее радикальным из всех существовавших в тот момент, имел связи с провинцией, представлял собой зачатки возможной организации социалистического характера.

Массовое революционное движение в России, охватывавшее уже не узкий круг свободолюбцев, а целые слои русского народа, начинается отсчёт своего существования с 60-х годов XIX века. Непосредственным толчком к этому движению явилась сначала борьба за освобождение крестьян от крепостного права, а затем само освобождение от этого права, потому что оно было осуществлено в крайне урезанном виде и настолько приспособлено к интересам бывших рабовладельцев, что Манifest 19 февраля 1861 года выглядел обманом. Передовые слои общества бурлили негодованием, крестьяне волновались, ожидая “новой”, “настоящей” воли.

Летом 1861 года в Петербурге и провинциях была распространена прокламация “К молодому поколению”, автором которой являлся известный в те годы молодой публицист и критик Н. Шелгунов. Это была **апологетика молодёжи** и открытый призыв к восстанию.

“Молодое поколение!.. – говорилось в прокламации. – Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию; вы – настоящая её сила, вы – вожаки народа...”. “Надежду России составляет народная **партия из молодых поколений** всех сословий”.

Прокламация была крайне радикальной, можно сказать, кровавой. “Если для осуществления наших стремлений – для раздела земли между народами, – говорилось в ней, – пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого...” “Пусть даже число новых покойников будет сто тысяч. И эту потерю Россия не заметит”. И далее: “Всё же, враждебное народу, всё, эксплуатирующее его, есть правительство, а всё, поддерживающее правительство и стремящееся не к общему равенству прав, а к привилегиям, к исключительному положению, есть дворянство и партия дворянская. Это враг народа, враг России. Жалеть его нечего, как не жалеют вредные растения при расчистке огорода”.

За распространение этой прокламации друг Шелгунова тридцатилетний поэт М. Михайлов был осуждён на каторжные работы на двенадцать с половиной лет и умер в Сибири.

За прокламацией “К молодому поколению” следовала статья Огарёва “Что нужно народу?”, о содержании и значении которой уже говорилось выше, за этой статьёй – прокламация “Молодая Россия”, написанная студентом

Московского университета **П. Зайчневский** и опубликованная в мае 1862 года. Автор был убеждён, что на долю России выпало первой в мире осуществить социальную революцию, которую он восторженно приветствовал и звал, не боясь тех ужасов, которые она несёт с собой. Напротив, он был убеждён, что, лишь пролив море крови, можно добиться свободы.

“Скоро, скоро наступит день, — писал П. Зайчневский, — когда мы распустим великое знамя будущего, красное знамя, и с громким криком: “Да здравствует социальная и демократическая республика русская!” — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что всё дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т<о> е<сть> какой-нибудь сотни-другой людей, но может случиться, — и это последнее вернее, — что вся императорская партия, как один человек, станет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае, с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим крик “В топоры!” — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам!

Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами”.

Смысл всех этих прокламаций и статей был один: разрешение земельного вопроса, призыв к восстанию, свержение самодержавия. Естественна та реакция, с которой эти идеи были восприняты властями. Эпоха покровительства просвещению со стороны абсолютной монархии закончилась. Правительство разорвало связи с обществом, усилило репрессии. Запрещались даже шахматные клубы и читальни, издание многих журналов и газет, усиливался контроль за типографиями. В начале июля 1862 года был арестован целый ряд радикалов и среди них Чернышевский, Писарев.

Одним словом, с начала 60-х годов вся инициатива умственного движения в России исходила уже не от отдельных сословий, а из среды всего общества. Центрами революционной мысли и революционного действия стали университеты, а носителями революционных идей — университетская молодёжь. Причём большинство студенческой массы состояло из людей, стоявших на грани крайней бедности, из детей мелких чиновников, лиц духовного звания и т. п. Этот общественный тип получил тогда название “разночинец”. В революционеры подались многие из обедневших в результате отмены крепостного права средних и мелких дворян и помещиков.

Революционное движение становится всё более организованным и активным. В 1861 году в Петербурге, Москве и других городах состоялись **первые** демонстрации студентов. В этом же году в России **впервые** была создана тайная революционная **организация** “Земля и воля”, которая насчитывала в своих рядах сотни членов, имела, кроме Петербурга, ответвления в других городах.

В 1861 году образовалось также тайное общество “Великорусс”, которым, как предполагается, руководил Чернышевский (прекратило существование в 1862 году). По замыслу это была политическая организация. В последнем из трёх выпущенных в сентябре 1861 года листов “Великорусс” был напечатан адрес царю, в котором высказывались требования наделить крестьян землёй без выкупа, созвать Учредительное собрание, освободить Польшу от русского владычества и т. п. В обществе было много молодёжи. За причастность к пропагандистской работе этого общества было арестовано несколько студентов.

В Петербурге с 1863 года начал действовать кружок двадцатитрёхлетнего студента Московского университета Николая Ишутина, который объединял молодых людей, исповедовавших социалистические идеи. Выработанной программы своей деятельности кружок не имел. В задачу его входило сближение с народом на почве революционной пропаганды. Но это достигалось сравнительно мирным путём — путём организации земледельческих артелей. Лишь незначительное меньшинство склонялось к решительным мерам революционных действий и даже ставило вопрос о покушении на царя. Но о цареубийстве только ставился вопрос, практически же он не выдвигался как задача деятельности кружка. Тем не менее, один из его членов, Дмитрий Каракозов,

независимо от воли кружка, решил в одиночку привести в исполнение задуманный им план царевубийства. С этой целью он выехал в Петербург и 4 апреля 1866 года из револьвера стрелял в Александра II. При покушении Каракозов промахнулся, царь остался живым, а Каракозов был тут же схвачен на месте. После длительных пыток с целью вырвать у него признание, 3 сентября 1866 года Каракозов был повешен. Вскоре после этого были выловлены и все члены кружка.

Выстрел Каракозова произвёл огромное впечатление на все слои русского общества. Это было первое покушение на коронованную особу. На правительственные круги выстрел Каракозова подействовал ошеломляюще. В покушении на царя увидели обширнейший революционный заговор. Но вскоре выяснилось, что за выстрелом Каракозова скрывается только небольшой кружок студентов. Тем не менее, взятый правительством курс после польского восстания в 1863 году значительно усилился. В связи с покушением Каракозова правительственные репрессии обрушились на все слои русского общества, и в первую голову – на студенческую массу.

Все студенческие льготы были отменены, а сами высшие учебные заведения снова возвращены к мрачным временам николаевской шагистики. Вне университетской жизни началось преследование всяких “рабочих артелей”, которые начала было заводить молодёжь в университетских городах. Репрессиям подвергались кружки самого невинного характера. От “вредных элементов”, случайно сохранившихся ещё со времён 1861 года, очищены были абсолютно все высшие учебные заведения. За многими гимназистами, не говоря уже о студентах, был установлен негласный полицейский надзор.

Уже с весны 1868 года начинается в Петербурге революционная деятельность двадцатилетнего учителя Сергея Нечаева.

О Нечаеве следует сказать особо. Ибо его личность, оценивавшаяся историками чрезвычайно противоречиво, тем не менее, признаётся исторически значимой, а порой исключительной. В ту пору среди студенчества начались волнения. Сблизившись со студентами, Нечаев берёт в свои руки руководство этими волнениями и пытается превратить протест молодых людей против университетских порядков в протест против царского абсолютизма, социального угнетения. По словам Нечаева, он хотел “вопрос русской молодёжи сделать вопросом русской земли”.

С сентября 1869 года Нечаев создаёт в Москве тайное общество “Народная расправа”, вербуя в него, главным образом, студентов. В конце ноября того же года, когда по указанию Нечаева был застрелен заподозренный им в шпионстве студент Иванов, Нечаев уехал в Швейцарию. К дознанию было привлечено около 300 человек, из них 87 предстали перед судом. Свою жизнь тридцатипятилетний Нечаев закончил самоубийством в Алексеевском равелине Шлиссельбургской крепости.

Нечаев, которому в момент ареста было всего 26 лет, в ряду **идеологов и организаторов** революционного движения конца 60-х – начала 70-х годов стоит особо. Он **первым** поставил вопрос о том, что для успеха социальной революции нужно создать единую **общероссийскую** революционную организацию. Из “Программы революционных действий” явствует, что Нечаев рассчитывал на социальную революцию весной 1870 года. Но прежде ставил задачу создания такой организации, которая с октября 1869 года должна была начать “систематическую, захватывающую всю Русь деятельность...” Организация строилась тайно, по централистскому принципу. Каждый из доверенных Нечаеву лиц образовывал кружок первой ступени, члены которого не были вполне посвящены в деятельность других кружков. Нечаев уверял своих единомышленников, что сеть таких кружков была покрыта вся Россия, что ими руководит Центральный Комитет, за уполномоченного которого и выдавал он себя. На самом деле и сеть, и таинственный ЦК были фикцией, нужной Нечаеву для придания себе особого авторитета.

Из нечаевской передовой статьи в первом номере изданного за границей в 1869 году листка “Народная расправа” ясна главная цель революции и всеобщероссийской революционной организации – разрушение старого строя.

“...Мы имеем только один отрицательный неизмеримый план – общего разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий, как несовместимой с нашей деятельностью; и потому считаем бесплодной всякую теоретическую работу ума.

Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаём ему все наши силы и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание.

А потому мы берём на себя исключительно разрушение существующего общественного строя; созидать не наше дело, а других, за нами следующих.

Мы берёмся сломать гнилое общественное здание, в котором мучается большинство обитателей для доставления нечистых радостей и грязных наслаждений небольшой горсти счастливыхцев... .

Сосредоточивая все наши силы на разрушении, мы не имеем ни сомнений, ни разочарований; мы постоянно, одинаково, хладнокровно преследуем нашу единственную жизненную цель”.

Жуткое впечатление на современников (и это естественно) произвёл знаменитый нечаевский “Катехизис революционера”*. Идеи, которые он содержал и которые предлагались молодому поколению, вызывают оторопь. Чтобы свободнее действовать, революционер объявлял себя человеком без убеждений, без правил, без чести, он должен был быть готов на любую мерзость, подлог, обман, грабёж, убийство, предательство даже своих товарищей по организации. И всё это – во имя целей борьбы за народное благо, социальную революцию, смысл которой – разрушительство. Революционер “презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех её побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. **Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции.** Безнравственно и преступно всё, что мешает ему”, – говорилось в § 4 “Катехизиса”**.

Создавая партию большевиков – “партию нового типа”, – Ленин впоследствии учтёт многие лозунги и опыт строительства “Народной расправы”. Жёсткая организационная структура сверху донизу, безусловное подчинение уставу, меньшинства – большинству, строжайшая дисциплина и т. п. Ничего подобного до Нечаева в строительстве общественных организаций, а позднее – большевистской партии не было. Деятельность Нечаева и народники, и правительство окрестили “нечаевщиной”. Уже в этом было признание значительности фигуры Нечаева и его организации. Нечаев выступил на революционную сцену значительно раньше, чем рабочий класс оформился в политическую силу, задолго до того, как в 1879 году возникла партия “Народная воля”.

Один из исследователей феномена Нечаева и нечаевщины (а о нём содана целая литература) называет его “первым коммунистом России”... .

Нечаев мог остаться в истории всего лишь эпизодом. Однако он стал явлением, и весьма значительным, благодаря решению правительства придать нечаевцев гласному суду с целью скомпрометировать “социалистическое лжеучение”, чтобы отвратить от социализма молодое поколение.

Поначалу правительство России смотрело на горстку молодёжи, вступившей в неравную борьбу, с иронией. Обывательской публике эти юноши с фантастической программой “Народного возмездия” казались не столько ужасными, сколько смешными. Тем не менее, революционно настроенная молодёжь считала обвиняемых честными людьми с благородными намерениями, находила цели их борьбы в основном верными, видела в нечаевском заговоре пример для себя. И потому нечаевский процесс дал новый толчок революционному движению... .

В то же время сверхреволюционность Нечаева и его соратников не следует воспринимать как отражение всеобщего молодёжного настроения. Отнюдь. В массе своей молодые люди были далеки от революционных идей, заговоры их пугали, влекла спокойная, мирная работа и жизнь. Своим девизом “Цель оправдывает средства” Нечаев отпугивал от себя. Его централистская организация трактовалась многими как путь к бесконтрольности и обману, убийство предателя Иванова – как свидетельство крайней жестокости. “Неча-

* Считаю нужным опубликовать полностью этот документ, который, с одной стороны, показывает, какие зверские чувства могут овладевать человеком, а с другой стороны, заставляет задуматься о том, до какого состояния можно довести народ, если он “вдруг” выдвигает из своей среды таких “вождей”, у которых, тем не менее, находится множество сторонников и сочувствующих... .

** Говорят, что Ленин также весьма одобрительно отзывался о Нечаеве. Несомненно то, что он читал его работы и “Катехизис”. Рассуждая о нравственности в речи на III съезде РКСМ в 1920 году, Ленин говорил: “Нравственно всё, что способствует делу строительства коммунизма”. Удивительная схожесть... .

евщина” и сама Нечаев отталкивали от себя народническую молодёжь. Об этом хорошо сказала Вера Засулич: “Нечаев явился среди них человеком другого мира, как бы другой страны или другого столетия”. Иначе говоря, он был чужим в народнической среде. Ибо радикальная молодёжь начала 70-х годов в массе своей вышла из дворянского сословия, в то время как Нечаев был сыном мещанина, недавнего крепостного крестьянина. Он не был интеллигентом и в этом смысле был проще, грубее, но и ближе к пониманию народных нужд. Нечаев пытался раздуть тлевшую в недрах общества искру недовольства народа своим положением. Вряд ли можно сказать, что ему это удалось. Несомненно, что он на несколько лет привлёк к себе внимание общества и тем самым оказал влияние на брожение и развитие революционной мысли, на формирование у молодёжи революционных воззрений, на её тягу к вопросам политического характера. Можно даже сказать, что Нечаев ускорил ход развития революционной мысли, если посмотреть на это через суд над ним, который правительство широко освещало в прессе, надеясь тем самым оттолкнуть общество от революционных идей. Произошло, однако, обратное: под влиянием двух совпавших событий – нечаевского процесса и потопленной в крови Парижской коммуны – интерес молодёжи к политике возрос. Пробуждение, прежде всего, учащейся молодёжи знаменовало собой начало **движения семидесятников**, идея революции нашла новых приверженцев. Нечаевское движение в некотором смысле стало прологом развернувшегося в последующие годы революционного движения в России.

Революционное движение, вышедшее из узких кружковых рамок в начале 1860-х годов, в течение всего десятилетия всё более ширилось и крепло. Революционеры обращались к обществу, к “образованным” классам. Перед царским правительством стоял вопрос о средствах борьбы с этим движением. Необходимо было опереться на широкие слои общества. Для этого надо было показать, что представляют собой люди, заражённые идеями социализма и коммунизма, какую опасность несут они для режима и общества. С этой целью было решено впервые сделать процесс нечаевцев предметом **гласного** разбирательства. С этой целью тоже впервые правительство разрешило печатать стенографический отчёт об этом “деле” в “Правительственном вестнике”, а также обсуждать процесс в прессе. В “Правительственном вестнике” № 162 за 1871 год был опубликован “Катехизис революционера”, найденный 26 ноября 1869 года при обыске квартиры одного из нечаевцев П. Успенского. Это была небольшая, напечатанная латинским шрифтом книжечка размером 8,5 см x 6 см, объёмом в 32 страницы, текст которой был зашифрован*. “Катехизис” был главным козырем правительства, ибо текст “Катехизиса”, предельно ошеломляющее впечатление, не мог не наводить на самые печальные мысли и выводы.

“Послушаем, как русский революционер сам понимает себя, – писал один автор в “Московских ведомостях”, – на высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабёж, убийство, предательство. Ему разрешается быть предателем даже своих соумышленников и товарищей... Не чувствуете ли вы, что под вами исчезает почва? Не очутились ли вы в ужасной теснине между умопомешательством и мошенничеством?” (“Московские ведомости”, 1871, № 161, 25 июля, передовая статья).

О том, что Нечаев и “нечаевщина” были заметным и шумным явлением и событием тех лет, говорит и тот факт, что их не обошёл своим вниманием тонкий оценщик происходящего и гений пророчеств Ф. М. Достоевский. Известно, что в своём романе “Бесы” он дал яркую картину нечаевского движения. Фигура “главного беса” Петра Верховенского была “списана” им с Нечаева. Некоторые даже полагают, что образ Верховенского является не столько художественным воплощением, сколько копией Сергея Нечаева в обработке публикаций “Правительственного вестника” и “Московских ведомостей” Каткова.

Связь романа с “нечаевщиной” и Нечаевым признавал и сам Достоевский. В Дневнике писателя за 1873 год он говорил: “Лицо моего Нечаева,

* Большинство исследователей сходятся в том, что автором “Катехизиса” был, главным образом, М. Бакунин.

конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева. Я хотел поставить вопрос, и сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем **переходном** и удивительном современном обществе возможны не Нечаев, а Нечаевы и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе, под конец, нечаевцев” (Достоевский Ф. М. “Дневник писателя”. 1873. Собрание сочинений. Т. IX, гл. XVI. С. 331). “Нечаевым, — писал далее Достоевский, — вероятно, я бы не смог сделаться никогда, но нечаевцем — не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности” (там же. С. 336).

“Я мошенник, а не социалист”, — говорит Пётр Верховенский в “Бесах”. Не случайно. Достоевский писал, что нечаевы совсем не обязательно должны быть фанатиками. “Весьма часто это просто мошенники” (там же. С. 335-336). Все, кто покушается на общественный и политический строй царской России, — это “бесы”, вселившиеся в общественный организм. Так надо понимать это произведение Достоевского. Последующая история России подтвердила, что во многом это было именно так. Беда нашей страны заключается не в том, что в ней случались революции, ибо они случались и в других странах и будут ещё случаться. Беда в том, что маской революционеров и реформаторов, лидеров партий и народных вождей часто прикрывались именно отъявленные мошенники и злодеи, менее всего озабоченные “народным счастьем”, а более всего — своими корыстными интересами. Так было в описываемые годы, так было и в советские времена. Так есть и в России конца XX века. Шпана, ворьё и жульё — вот кто по преимуществу наши “революционеры” и “реформаторы”. И то, что среди них, как золотинка в тоннах песка, встречаются люди честные, порядочные, героические, ничего не меняет по существу: грамм золота на тонну грязи...

Но вернёмся к основной теме.

Общественно-политическая ситуация в России конца 60-х — начала 70-х годов была чрезвычайно сложной и крайне противоречивой. Крестьянская реформа 1861 года укрепила самодержавие, крупнопоместное дворянство, принесла известные выгоды молодой буржуазии, но мало что дала самому крестьянству, привела к разорению множества мелкопоместных дворян, среди которых властвовали упаднические настроения. Политические течения тех лет в общей схеме делились на четыре основные группы.

Самодержавно-монархическое направление выражало интересы и настроения нескольких десятков крупнопоместных дворян. Это была консервативная сила, защищавшая монархию и своё господство.

Либерально-монархическое направление представляло взгляды примерно одной десятой общей массы дворян. Эта часть желала расширения круга своих возможностей и деятельности за счёт представительства в органах управления.

Либерально-демократическое крыло представляло интересы утративших своё экономическое благополучие наиболее многочисленных мелкопоместных дворян, которые хотели бы обрести лучшую жизнь, в том числе через участие в управлении государственным аппаратом. Конечным идеалом политических устремлений этой группы было создание Всероссийского Земского Собора.

Радикально-социалистическую группировку российского общества составляла разночинная интеллигенция, состоявшая из представителей разных слоёв общества — выходцев из крестьянской среды, детей чиновников и духовенства, мелкопоместного дворянства. В качестве идеологии эта, в основном, молодая по возрасту и количественно незначительная группировка избрала идеи западноевропейского утопического социализма с элементами коммунистического учения Г. Бабёфа. Конечным идеалом наиболее радикальных представителей этого политического крыла являлось ниспровержение существовавшего политического и экономического строя.

В 1868 году **Пётр Лавров** в своих “Исторических письмах” указал на обязанность образованных слоёв служить народу, потому что только благодаря его труду они могут образовываться и жить, то есть обязаны ему своим положением. Призыв “идти в народ” для пропаганды социализма был впервые сформулирован в одной из бакунинских прокламаций, которыми он поддерживал деятельность Нечаева. Прокламация с призывом “идти в народ” от имени кружка Долгушина была распространена в 1873 году в Москве и Петербурге. Призыв этот был с восторгом встречен молодёжью.

“Всё для народа и через народ!” — таким был лозунг, выброшенный многочисленными кружками, которые стали образовываться в крупных городских и, прежде всего, университетских центрах. Студенты, гимназисты, семинаристы бросились в массы, прежде всего, в крестьянство, по поводу которого они строили большие иллюзии, видя в нём последнее прибежище добра и благородства. Одни хотели изучить и понять этот неизвестный и таинственный “народ”, прежде чем посвящать ему жизнь и умирать за него. Другие надеялись поднять его культуру, умственное и нравственное развитие. Третьи намеревались раскрыть народу глаза на его собственное положение, возбудить гнев и поднять восстание уже в ближайшем будущем. Начавшись со скромных размеров, движение скоро приняло характер эпидемии. При том, что “хождение в народ” напоминало паломничество верующих к святым местам, оно имело могучую опору и было выражением огромных революционных, и прежде всего, **социалистических** настроений.

И тем не менее, паломничество в народ летом 1874 года закончилось жестоким разочарованием. Народ оказался не готовым не только к восстанию, но и к восприятию социалистического учения. В студенческих коммунах и кружках шёл анализ причин неудач. “Летучую” пропаганду было решено заменить установлением постоянных связей с народом с помощью поселений революционеров в сёлах на длительный время. Вместо пропаганды словом признавалась агитация действием — организация заговоров, бунтов, восстаний: кровь должна была вызвать кровь и наступление восстания. Народу, как считали социалисты, не хватает правильной организации и руководства. Своё слово здесь должна была сказать интеллигентская молодёжь.

Опыт “хождения в народ” привёл также к выводу о необходимости создать единую революционную организацию, построенную на принципе централизма. Такая организация была создана в 1876 году. Это было общество “Земля и воля”. Просуществовав около трёх лет, общество распалось на две партии: “Чёрный передел” и “Народная воля”, которая главную цель видела в борьбе не с помещиками и промышленниками, а с правительством и царём. Главный метод борьбы — **террор**.

Подавляющее большинство террористов были люди молодые.

24 января 1878 года раздался выстрел двадцатидевятилетней Веры Засулич в петербургского полицмейстера генерала Трёпова, который серьёзно ранил его. Процесс над Засулич был открытым. Случилось невероятное: Засулич была оправдана. Министр юстиции Пален подал в отставку. Засулич стала героиней. Процесс опьяняюще подействовал на террористов и часть молодёжи. Террор получил признание как эффективное средство борьбы. Последовал ряд новых покушений в Ростове-на-Дону, Одессе, Москве, Киеве.

9 февраля 1879 года молодой человек Гольденберг убил харьковского губернатора князя Кропоткина.

12 марта юноша Мирский стрелял в генерала Дрентельна.

2 апреля 1879 года 30-летний фанатик Соловьёв пять раз выстрелил в гулявшего по саду царя, но даже не ранил его. Ответом был террор. Многие революционеры, находившиеся уже в тюрьме, были повешены. Борьба против помещиков и буржуазии полностью отступила на второй план. Главным врагом стали царь и правительство.

Убийство царя было поручено молодому сыну крестьянина из Вятки двадцатитрёхлетнему Степану **Халтурину**, который был организатором Северно-Русского Рабочего Союза (создан в 1878 году), объединявшего несколько сот человек и бывшего тогда самой крупной рабочей организацией. Халтурин подготовил беспрецедентный по силе взрыв в Зимнем дворце, который раздался 5 февраля 1880 года. Десять стражников было убито и пятьдесят три ранено. Царь не пострадал.

Для подготовки боевых действий создавались дружины, членами которых могли быть только люди, готовые пожертвовать жизнью ради революции. Группы, кружки и отдельные лица добывали деньги, взрывчатку, в том числе с помощью воровства и подлогов, вели агитацию в армии, главным образом, среди молодых офицеров. В этой работе участвовали, в основном, студенты. В 1880 году в Петербурге существовал Центральный Студенческий Союз, который координировал действия студентов, выпускал прокламации.

Между тем, под руководством тридцатилетнего **Андрея Желябова** и двадцатилетнего **Николая Кибальчика** готовилось новое покушение на царя.

Оно произошло 1 марта 1881 года. Двадцатисемилетняя **Софья Перовская** направила действия 6-ти бомбометателей, один из которых, двадцатипятилетний Игнатий Гриневицкий, бросил роковую для Александра II бомбу. Царь был убит, но мечта народовольцев не осуществилась: “народ” оставался безмолвным. На требования социалистов о полной и общей амнистии политических осуждённых, созыва Учредительного собрания, свободы слова, собраний со стороны правительства последовал резкий отказ. Прокатилась волна арестов. Всего за время с 1878 года по 1882 год был казнен 31 революционер, 76 человек умерло в тюрьмах и ссылке. Более 2800 человек в административном порядке были сосланы в Сибирь и другие губернии.

Народовольцы пытались подготовить новое покушение на ещё не коронованного царя, но неудачно. Осуществили несколько убийств царских чиновников, но идеология “Народной воли” и дух народовольцев были подрублены. Просуществовав ещё несколько лет, организация погибла.

Однако идея терроризма и цареубийства вскоре была оживлена группой молодых людей во главе с А. Ульяновым, которые решили воссоздать “Народную волю” и убить царя. Заговор был раскрыт, часть заговорщиков казнили, часть отправили на каторгу.

На этом первый сюжет беглого обзора российского политического движения, основу которого составляла молодёжь, можно закончить и сделать три общих вывода.

Вывод первый: в течение многих десятилетий российской истории **ведущей** силой выработки новых общественных идей и социальных перемен в обществе была **молодёжь**. В начале и ещё в середине XIX века это была практически исключительно дворянская молодёжь. С 60-х годов это была молодёжь разнородная, интеллигентская. К концу века революционную массу составляли в основном молодые рабочие и рабочие-интеллигенты. В начале XX века в революционной среде стала появляться крестьянская молодёжь.

Безусловно, это была ничтожно малая часть общества, ибо в массе своей крестьянская молодёжь, как и всё крестьянство, весь народ, особенно до второй половины XIX века, были сплошь безграмотны, религиозны, жили в мире предрассудков и суеверий, слепой веры в царя и в страхе перед своими господами. Молодые революционеры часто были наивны, идеализировали бунтарский дух народа, но в то же время, понимая обречённость своей деятельности, шли на плаху несмотря ни на что. Тем интересней их пример.

Молодые люди, как правило, стояли во главе различных революционных кружков и организаций. Молодые люди в большинстве случаев были **духовными** вожаками и **идеологами** различных общественных и революционных течений. Молодые люди составляли практически всю **массу** революционного движения.

Руководители революционных кружков и организаций видели в молодёжи **главную**, а часто и **единственную** опору революционного движения не только и не столько потому, что были молоды сами, а потому, что опереться больше было практически не на кого.

На кого, например, могли опереться землевольцы, народовольцы, чернопередельцы? На армию? Она до мозга костей была предана царю, ибо ею руководили люди высшего и среднего сословия. На помещиков и буржуазию? Но они были противником, а не союзником революционеров. На интеллигенцию? Но она ещё не сложилась как социальный слой, была слишком боязливой. На рабочий класс? Он только начинал образовываться. На крестьянство? Два паломничества в народ показали, что крестьяне, ненавидя помещиков, боготворили царя, были тяжёлы на подъём и не помышляли ни о какой революции.

Одним словом, искать опору и носителя революционных идей в каком-либо одном социальном слое и классе было бессмысленно.

Оставалось обратить свой взор к той части общества, которая в силу возраста пока ещё не заняла никакого положения в его социальной структуре или только-только укоренилась в ней, находилась в состоянии выбора жизненных путей, брожения умов, была нацелена в будущее, жаждала перемен. Это была молодёжь, и прежде всего, молодёжь учащаяся, студенческая, а также отдельные личности старших возрастов из различных сословий, социальных слоёв и классов.

Таким образом, молодёжь долгие годы развития русского общества была основным носителем новых социальных идей своего времени и, следовательно,

его духовным вождём. Будучи ориентирована на западноевропейскую научную и общественную мысль, она тем самым служила преемницей общего духа петровских реформ.

Вывод второй: общественное движение молодёжи, будучи на первых порах культурно-просветительским по своим конкретным и ближайшим задачам, в сущности своей было **революционно-политическим**, ибо, в той или иной форме, вело к изменению или свержению существовавшего строя.

Что питало революционный дух молодёжи, откуда бралась её революционность, несмотря на жестокие репрессии в отношении революционеров, их нужду и страдания, не столь впечатляющие результаты революционной борьбы? Почему молодёжь, несмотря ни на что, с религиозным фанатизмом шла навстречу всем бедам и возможной гибели? Ответ надо искать не только и не столько в общей психологии молодёжи, которой свойственны крайний критицизм в отношении настоящего и устремлённость в будущее, восторженность, увлечённость, стремление к новому и т. п. Этот ответ кроется не только в национальном характере русского человека, который, в силу чрезвычайной впечатлительности, легко воодушевляется и увлекается мечтами, радикальными идеями и решениями. Эти и подобные обстоятельства психологического свойства, конечно, тоже имели своё значение. Но главными причинами возбуждения и непрерывного (с некоторыми спадами в критические моменты) нарастания революционного движения были **условия** жизни молодёжи и **внешняя** международная обстановка.

Давала себя знать бедность русских студентов, которые составляли основной революционный слой, были преимущественно детьми малоимущих мещан, мелких чиновников, священников. Студентов возмущали стеснения политического характера, в частности, запрет на создание своих организаций.

Студенты и нарождающийся новый нравственно-психологический тип личности, каковым являлся интеллигент-разночинец, будучи порождением низов общества, всей своей сущностью противостояли спесивому барству, праздной жизни его верхов. Уже не уязвлённая совесть его предшественника (“кающегося дворянина”), а уязвлённая честь, униженное чувство собственного достоинства **возбуждали** в разночинцах ненависть к существующим порядкам.

К **практической** революционной активности молодёжь побуждала пассивность старших поколений, которые, как правило, в выражении своего недовольства затхлостью общественной жизни не шли дальше унылого резонёрства у самовара. Не находя в себе сил и мужества для борьбы за свои оппозиционные идеи и настроения, “отцы” радовались энергии “детей”, охотно уступали им первое место и свою роль на общественно-политической арене.

Свою огромную роль играл внешний фактор. Молодёжь всё больше знакомилась с различными западноевропейскими научными теориями, и прежде всего, с социализмом, с примерами демократизации общественной жизни западноевропейских стран и видела, что развитие этой жизни находится в полном противоречии с деспотическими порядками в России. Молодёжи во что бы то ни стало хотелось быть полезной народу, встать вровень с прогрессом передовых стран.

Третий вывод: среди различных настроений, кружков и групп в революционном движении наиболее заметным и сильным было **социалистическое** течение.

Почему именно социализм, а не анархизм, либерализм или, скажем, славянофильство привлекали молодёжь более всего? Вопрос этот крайне актуален и сегодня, ибо вновь, как сто с лишним лет назад, молодёжь и народ находят перед выбором путей исторического развития, и им предлагается не что иное, как выбор социалистический. При этом делается ссылка на то, что ещё в 1917 году (а можно сказать, что гораздо раньше) народ уже сделал этот выбор. Но почему и насколько сознательно он был сделан (если считать, что выбор действительно был) – вот вопрос, который нельзя обойти.

Прежде всего, надо заметить, что распространение социализма в России **не отменяло** ни одного течения – ни либерализма, ни анархизма, ни славянофильства, а происходило **параллельно** им. Другое дело, что, начиная с конца 60-х годов, социалистическое течение всё более набирало силу, превзошло своей силой нигилизм, либерализм, а потом и анархизм. Почему?

Во-первых, потому что социализм более всего отвечал умонастроению и психологическому состоянию, в котором находилось русское общество после

реформ начала 60-х годов. **Земельная** реформа, за которую так долго боролись передовые слои общества, оценивалась как царский обман и потому вызвала чувство огромного разочарования. **Судебная** реформа 1864 года была хорошо задумана, но лопнула при первом же конфликте с самодержавием в 1866 году после покушения Каракозова на царя. Беззаконие снова стало нормой. Юстиция опять оказалась под пятой администрации. Судей вновь назначали не по знаниям и способностям, а по их политической благонадёжности. Всё это переживалось как произвол царя в отношении им же торжественно дарованных прав, вызывало возмущение общества. Быстро исчезли иллюзии относительно реформы **управления** и, в частности, земских учреждений как органов самоуправления (на них были возложены заботы о народном продовольствии, врачебной помощи, школьном и дорожном деле), поскольку уже в 1867 году несколькими запретами правительство парализовало их деятельность. Тем самым был нанесён жестокий удар по идеологии **либерализма** и либералам, стремившимся с помощью самоуправления удерживать общественные процессы в рамках мирных решений и бесконфликтного, **эволюционного** развития.

Названные и другие обстоятельства способствовали нарастанию в обществе **нигилизма**, основным принципом которого считался **утилитаризм** (личная выгода, разумный личный расчёт, личные удобства, собственное удовольствие и т. п.), а также **анархизма** как реакции на произвол государства и царя, который, однако, отвергался подавляющим большинством из-за его разрушительной философии при отсутствии философии созидательной. Наиболее способные элементы оппозиции были расположены ко всякого рода **радикализму**. Во многих отношениях этому требованию, особенно взглядам молодёжи, и отвечал социализм.

Во-вторых, идеи социализма находили всё большее распространение именно потому, что подавляющую массу революционного движения составляла молодёжь. С одной стороны, это была наиболее образованная часть общества, в то же время, с другой стороны, она была плохо образована теоретически. Марксизм (научный социализм) начал распространяться в России только с начала 80-х годов. Отсутствие собственного опыта и действительно-го знания жизни во всей её противоречивости, сложности и трудностях, столкновения с которыми приводят человека к умеренности в требованиях и действиях, приводили к тому, что молодёжь идеализировала возможности нового учения, слепо верила в авторитет его идеологов.

В-третьих, революционное юношество России, отвергавшее всякие авторитеты, тем не менее, поддавалось авторитету новых догм, волшебство которых невероятно усиливалось авторитетом творцов этих догм: Оуэна, Фурье, Прудона, Сен-Симона и других западных мыслителей-социалистов. Они были действительно блестящими умами, идеи которых действовали завораживающе на мечтательную русскую натуру, а тем более, натуру молодых людей. Влияние западных теорий тем более усиливалось, потому что их пропагандистами и сеятелями на русскую почву были крупные умы и таланты — русские публицисты Чернышевский, Герцен, Добролюбов, Огарёв, Бакунин, Лавров, Ткачёв и другие. Благодаря их интеллектуальному могуществу социалистические идеалы неоспоримо господствовали в высших идейных областях общественной жизни.

Ум тянется к уму. Молодёжь, что бы она ни говорила, нуждается в авторитетах, особенно русская молодёжь как часть русского народа, психологии которого неизбывно дорога идея могучей центральной власти, сильной руки. Молодёжь обожала идеологов и пропагандистов социализма как сильных личностей, бросивших вызов старому миру, смотрела на них, как на пророков, поддаваясь их чарам и догмам, а значит, чарам и догмам социализма.

В-четвёртых, социализм быстро распространялся в России потому, что ему как учению о борьбе между промышленным капиталом и его порождением — пролетариатом — в ту пору не противостояла никакая буржуазная идеология, кроме идеологии абсолютного монархизма и его слепого оружия — полицейского карательного аппарата. Между тем, идею можно победить только силой идей, но не идеей силы. Поскольку промышленность в России только начинала зарождаться, поскольку класс буржуазии был ещё в эмбриональном состоянии, он не имел на русской земле своих идеологов, никаких, даже слабых. Зарождающийся российский капитализм защищался от социалистов

практически, но не теоретически. В то время, как на стороне социалистических идеалов были все крупные умы общества, у буржуазных идеологов не было ни одного сколько-нибудь выдающегося защитника и теоретика.

Рабочий класс ещё только зарождался, а сложившиеся социалисты уже вели в его среде пропаганду социалистических идей, формировали рабочее движение и пролетарскую партию. Возникшая буржуазная партия на первых же шагах столкнулась с организованным социалистическим рабочим движением, намного опередившим её в своём развитии. Развитие капитализма в России на ранней стадии, рождение класса буржуазии и его партии затруднялось тем, что они были между двух огней: с одной стороны, самодержавная монархия, не желавшая уступать власть и вводить новый порядок общественной жизни, с другой — социалисты, представлявшие интересы народа и борющиеся за его права как с царём, так и с промышленниками. Слишком запоздалое появление в России капитализма и класса буржуазии позволило занять социалистическому движению очень важное положение в развитии общественной жизни.

Не стану продолжать рассмотрение проблемы в том же духе: центральное политическое событие или явление какого-то исторического момента, имя и возраст (с акцентом на молодость) их вдохновителя, идеолога или организатора, его влияние на общественное сознание в целом и молодёжи, в частности, и т. п. Во-первых, картина уже достаточно ясна, о чём говорят только что сделанные выводы; поставленная мною перед собой цель в основном достигнута. Во-вторых, дальнейшее, что происходило с молодёжью в области политики и её организации, немало известно, и всякий любопытствующий может найти по этому поводу достаточно исторической и другой литературы. В-третьих, обо всём этом, особенно о роли молодёжи в революционной борьбе накануне Великой Октябрьской социалистической революции, в самой революции и в гражданской войне я уже писал. В 1986 году в издательстве “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей” вышла моя историко-публицистическая книга “Василий Алексеев”, где рассматривается именно этот исторический период. Я писал её, в основном, по архивным первоисточникам, по воспоминаниям товарищей и современников Алексеева — ровесников моего героя. На основе того, что знаю доподлинно, до чего докопался сам, категорически настаиваю на двух тезисах.

Тезис первый: и революция 1905 года, и февральская, и Октябрьская революции никак не были случайностью, не были маловразумительными, непонятно с чего “вдруг” произошедшими переворотами, причиной которых была якобы слабая воля Николая II и т. п. По этому поводу сейчас можно встретить разного рода спекуляции. Нет, все три революции были следствием долгие годы накапливавшегося противоречия между образом организации жизни существовавшей в те годы монархической системы власти и духовными устремлениями наиболее прогрессивной части общества. Об этом хорошо сказал статс-секретарь граф С. Ю. Витте, который в своём всеподданнейшем докладе Николаю II после принятия Манифеста 17 октября 1905 года писал буквально следующее: “Волнение, охватившее разнообразнейшие слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частных несовершенств государственного и социального устройства или как только результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат глубже. Они — в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы” (Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб, 1906. С. 101).

Не могу не привести ещё одно свидетельство по этому поводу — выдержку из знаменитой речи ректора Московского университета князя С. Н. Трубецкого, которую он произнёс на встрече Николая II с делегацией земств и городов 6 июня 1905 года. Князь Трубецкой не побоялся сказать в лицо царю: “И когда народ видит, что Царь хочет добра, а делает зло, что Царь указывает одно, а творится совсем другое, что предначертания Вашего Величества урезаются и нередко проводятся в жизнь людьми заведомо враждебными, то такое убеждение в нём всё более растёт. Страшное слово — “измена” — произнесено, и народ видит изменников решительно во всех: и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, во всех господах вообще. Это чувство с разных

сторон эксплуатируется. Одни направляют народ на помещиков, другие – на учителей, земских врачей, на образованные классы... Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и угнетений, обостряемая нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, подымается и растёт, и она тем опаснее, что вначале облекается в патриотические формы; тем более она заразительна, чем легче она зажигает массы” (Цит. по: Гольцев Е. Он был ректором 27 дней. “Неделя”, 1990, № 49. С. 12).

Тезис второй: все три революции произошли на волне молодёжных протестов – вначале малочисленных, разрозненных, в основном интеллигентских и студенческих, а затем и молодых рабочих под предводительством идеологов и организаторов, большинство из которых по возрасту были людьми молодыми, а то и юными.

Взять тех же большевиков, которые в октябре 1917-го взяли власть. Что бы там ныне ни говорили о Ленине (“привезли из Германии”, “сделал революцию на немецкие деньги”, “власть сама упала ему в руки” и т. п.), несомненным является то, что он встал на путь борьбы с существовавшим строем юношей, посвятил ей всю свою молодость и стал руководителем огромной страны в 47 лет. Сталину и Троцкому в 1917 году было по 38 лет, а многим другим соратникам Ленина – и того меньше. Историки свидетельствуют: в момент прихода к власти большевистское правительство было самым молодым по возрасту и самым интеллектуальным по количеству в его составе людей с высшим образованием...

... Почему СССР и социализм были уничтожены? Это особый и сложный разговор, который, я думаю, надо начинать с того, что, несмотря на огромные достижения, скажем, СССР, это был ещё не социализм, а процесс его строительства, то есть продолжение революции, и, стало быть, те, кто остановил этот процесс, объявив “революцию в революции”, по логике вещей, контрреволюционеры, сказать точнее – предатели.